

Обнаружив столь масштабное дело, информацию о нем быстро передали на уровень провинции, и даже центральные власти дали указания. В городе Цзиньшань специально создали отдел для расследования. Из соображений секретности Лян Цзивэнь не отпустили. Коллеги из бюро общественной безопасности чувствовали себя неловко, но Лян Цзивэнь понимал их и провел несколько дней, живя и питаясь прямо в бюро. Что касается его прибытия на завод, то это, конечно, пришлось отложить, но власти Цзиньшаня пообещали взять это на себя и гарантировали, что Лян Цзивэнь не потеряет работу.

К счастью, полицейские действовали быстро. Благодаря межпровинциальному сотрудничеству менее чем за неделю они уничтожили логово торговцев людьми, арестовали более шестидесяти человек и освободили более тридцати женщин и детей. Затем, основываясь на результатах допросов, они по одному городу и уезду освобождали несчастных, проданных в рабство.

Когда логово торговцев людьми было уничтожено, официальные газеты провинций и городов начали активно освещать это событие. Лян Цзивэнь, как первый заявитель, подвергся волне за волной интервью. Родители Ду Мэйцзюань были готовы стать его рабами, чтобы отблагодарить его. Лян Цзивэнь, уставший от всей этой суеты, взял справку и награду, выданные бюро, схватил свой потрепанный чемодан и попытался улизнуть. Однако, добежав до ворот, он увидел человека, сидящего прямо перед входом в бюро общественной безопасности.

Даже издали Лян Цзивэнь мог разглядеть гневный взгляд Чжань Цзюцзяна. Он хотел было бежать, но Чжань Цзюцзян опередил его и бросился к нему.

— Лян Цзивэнь, ты наглец! Не сказал ни слова, не написал ни письма! Ты совсем обнаглел! Ты ну просто молодец!

Чжань Цзюцзян погнался за Лян Цзивэнем, и они пробежали две улицы.

— Ловите его! Кто-то пытается сбежать!

Чжань Цзюцзян кричал и ругался одновременно. Несмотря на скорость Лян Цзивэня, его остановило с десяток добровольцев.

— Ну что, попробуй еще раз убежать, малыш. Ты совсем возомнил о себе, да?

Чжань Цзюцзян, запыхавшись, с трудом выговаривал слова после двух улиц бега.

— Что украл, быстро отдай!

Кричал мужчина с квадратным лицом и густыми бровями, глядя на него глазами, чуть меньше медных колоколов. Услышав крики о поимке, все сразу подумали о воре.

— Спасибо, товарищи, он ничего не украл. Я его дядя. Этот парень непослушный, снова с соседскими детьми из-за еды подрался. Его надо хорошенько отлупить. Спасибо вам, товарищи.

Хотя Чжань Цзюцзян и злился на Лян Цзивэня, он не хотел, чтобы на того повесили клеймо вора, и быстро придумал отговорку.

Услышав это, добрые люди опустили кулаки, готовые ударить Лян Цзивэня, и начали его поучать:

— Малыш, слушайся своего дядю.

Лян Цзивэнь промолчал.

«...»

Чжань Цзюцзян схватил Лян Цзивэня за запястье и повел домой.

После трех дней гнева и тревоги, проведя шесть часов у ворот бюро общественной безопасности, Чжань Цзюцзян, увидев Лян Цзивэня, потерял дар речи. А когда Лян Цзивэнь попытался убежать, в его голове словно что-то оборвалось.

Лян Цзивэнь, видя, что Чжань Цзюцзян действительно сильно разозлен, не осмеливался заговорить и покорно позволил себя вести. На самом деле он и не думал убежать по-настоящему. Просто, увидев гнев и обиду на лице Чжань Цзюцзяна, он инстинктивно бросился бежать. Но он не бежал быстро, оставляя Чжань Цзюцзяну возможность догнать себя.

— Лян Цзивэнь, уходи.

Чжань Цзюцзян внезапно остановился, не поворачиваясь, и опустил голову.

Лян Цзивэнь открыл рот, чтобы что-то сказать, но его горло словно пересохло, и он не смог произнести ни слова.

Хотя Чжань Цзюцзян сказал, чтобы Лян Цзивэнь уходил, он не мог отпустить его руку. В тишине он чувствовал пульсацию сердца Лян Цзивэня через его запястье — спокойное и сильное.

Лян Цзивэнь посмотрел на руку Чжань Цзюцзяна, сжимающую его запястье, и попытался высвободиться. Чжань Цзюцзян держал крепко, и Лян Цзивэню пришлось немного подергаться, чтобы освободиться.

«...»

Чжань Цзюцзян не мог поверить, что Лян Цзивэнь просто так отпустил его руку. Но он молчал, крепко сжимая зубы, не желая показать свою слабость перед Лян Цзивэнем.

«Пусть будет так», — говорил он себе, но в душе не мог смириться. За те полмесяца, что они не виделись, он пытался перестроить себя, избавиться от привычки зависеть от Лян Цзивэня. Это было трудно, но он чувствовал, что постепенно справляется.

Пока он не увидел новости о Лян Цзивэне в газете. Он не мог поверить и одновременно был полон тревоги. Он утешал себя, что Лян Цзивэнь приехал к нему, но одновременно беспокоился за него. Он узнал, где находится Лян Цзивэнь, и в пять утра поднялся с постели, чтобы ждать у ворот полицейского участка. Но из-за последних событий посторонних не пускали внутрь. Несмотря на то что сотрудники уже работали, его все равно не пустили.

Но это не имело значения. Он ждал у ворот, ожидая, когда Лян Цзивэнь выйдет. Завтрак он съел наспех, боясь пропустить его, а на обед почти не ел, лишь перекусил оставшимся с утра хлебом, запив его водой, и продолжил ждать.

Чжань Цзюцзян не мог описать свои чувства. Ему хотелось плакать, но слезы не шли. Он был глубоко опечален, но не знал, как выразить это. Он чувствовал себя одновременно жалким и ненавистным.

— Пойдем, я приготовлю тебе поесть.

Лян Цзивэнь взял его за руку, ничего не говоря, и повел за собой.

Разум Лян Цзивэня подсказывал ему, что нужно воспользоваться этим моментом, чтобы Чжань Цзюцзян окончательно отпустил его и вернулся к нормальной жизни. Цзюцзян был еще молод, он не понимал всего этого, и со временем все изменится. Но, глядя на Чжань Цзюцзяна, который казался брошенным всем миром, опустив голову, с печалью, которая, казалось, вытекала из его тела, но сдерживаемая усилием воли, Лян Цзивэнь невольно сжал его руку. В такую жару, после бега, их тела были покрыты потом, но рука Чжань Цзюцзяна была холодна, как лед. Лян Цзивэнь почувствовал боль и вину.

«Потом все изменится», — сказал он себе. Времени еще много, и он не мог быть жестоким к Чжань Цзюцзяну.

Когда его рука оказалась в крепкой ладони Лян Цзивэня, Чжань Цзюцзян почувствовал, как тепло постепенно возвращается в его тело, которое до этого казалось лишенным крови. Его глаза затуманились, и, отстав на шаг, он смотрел на крепкую и прямую спину Лян Цзивэня, чувствуя себя в безопасности и комфорте.

Вернувшись домой, Лян Цзивэнь закатал рукава, чтобы приготовить еду, но Чжань Цзюцзян отодвинул его в сторону, набрал воды, добавил немного горячей, принес ему свою одежду и отправил в ванную, чтобы он быстро помылся.

Лян Цзивэнь поднял руку и понюхал себя, смущенно улыбнувшись. Он провел в полицейском участке почти десять дней, и в жару он постоянно потел. Но из соображений безопасности ему не разрешали выходить за пределы определенной зоны. Ему приносили книги и газеты, три раза в день приносили еду, но никто не думал о том, чтобы дать ему возможность помыться. Лян Цзивэнь, общаясь с полицейскими, не мог жаловаться на отсутствие воды для мытья, и так прошли эти дни. За десять дней он мылся всего три раза, соответственно, сменил одежду только три раза.

Лян Цзивэнь быстро привел себя в порядок и вышел, увидев, что Чжань Цзюцзян кипятит воду и моет овощи. Лян Цзивэнь прислонился к дверному косяку, наблюдая за ним.

— Что уставился?

Чжань Цзюцзян поднял голову. Хотя он уже успокоился, но все же не смотрел на него доброжелательно.

— Ты только что помылся? Иди еще раз потрись!

Он вылил еще не закипевшую, но уже горячую воду в деревянный таз и подтолкнул Лян Цзивэня, чтобы он снова помылся.

Не забыв добавить:

— Побольше мыла.

— Не боишься, что я таз с мылом загрязню?

Лян Цзивэнь пошутил.

— Я не брезгую.

Чжань Цзюцзян подтолкнул его, не задумываясь.

Лян Цзивэнь улыбнулся, обнял его за шею и поцеловал в правую щеку.

После поцелуя оба замерли. Лян Цзивэнь сделал это машинально, но в их нынешних отношениях это было неуместно.

Чжань Цзюцзян уставился на него, и через несколько секунд Лян Цзивэнь очнулся, слегка кашлянул и отступил на шаг, чтобы отдалиться от Чжань Цзюцзяна.

<http://bllate.org/book/16557/1511197>